

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку ¹⁾.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 38.

Берлинъ, 27 августа (8 сентября). Среда. [1866 г.].

Поздравляю Васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, съ Царскимъ и Вашимъ собственнымъ праздникомъ, на которомъ, къ сожалѣнію, этотъ годъ я присутствовать, по обыкновенію, не могу. Не знаю и самъ, отъ чего я опоздалъ — просто отъ того, кажется, что захотѣлось проблагодушествовать здѣсь лишнюю недѣлю, вотъ я и благодушествую подъ *Липами*. Здѣсь началось бабье лѣто, послѣдніе красные дни; желалъ бы застать его и въ Петербургѣ, куда мнѣ хочется прибыть ровно черезъ недѣлю, т. е. въ будущую среду вечеромъ. И если тамъ будетъ тепло и ясно, то Вы рискуете получить меня самага съ прибрѣтенною на булонской ярмаркѣ для 30-го августа сигарочищею — въ Павловскѣ.

Изъ прекрасной Франціи я бѣжалъ: Парижъ пусть, унылъ, чего-то ждетъ и боится. Я не хотѣлъ развязываться на обратномъ пути изъ Булони, чтобъ не засѣсть тамъ надолго, и не вскрывая чемодана уѣхалъ сюда.

Ждали въ Парижѣ кончины Наполеона ²⁾, который сильно прихворнулъ, и этимъ ожиданіемъ смущались, но оно не сбылось—и опять нахлынуть въ Парижъ иностранцы и снова онъ закипитъ.

Даже здѣсь, въ Берлинѣ, пронесшееся фальшивое извѣстіе о смерти Наполеона—произвело панику. Фонды страшно пони-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

²⁾ Это было въ 1866 г.

зились на биржѣ и множество спекулянтовъ разворились въ одинъ день.

А впрочемъ все обстоитъ благополучно. Я прилежно изучаю оттѣнки вкуса сигаръ у разныхъ торговцевъ и обогащаю берлинскую промышленность пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ нужныхъ, и особенно ненужныхъ вещей.

Отъ чтенія и писанья совсѣмъ отвыкъ и очень жалѣю, что не сдѣлалъ этого раньше, тогда не было бы у меня никакого обрыва ни въ зрѣніи, ни въ расположеніи духа.

Все, что я могъ бы съѣсть и выпить 30-го августа на Вашемъ праздникѣ — предложите скушать за меня Софѣ Александровнѣ (особенно мясо, ей нужны силы), а если она того не исполнитъ, то прошу Васъ выдать это мнѣ деньгами.

Короля здѣсь нѣтъ — онъ странствуетъ въ отдаленныхъ краяхъ—а именно въ Штетинѣ, отъ того и поклона Вамъ отъ него не привезу. У Бисмарка разстроены желудокъ отъ того, что Наполеонъ выздоровѣлъ. Вообще въ Берлинѣ тихо, покойно и было бы совсѣмъ хорошо, еслибъ не воняло на улицахъ скверно.

Прощайте, любезный другъ, обнимаю Васъ заочно, въ ожиданіи обнять собственноручно. Кланяюсь дружески Казимірѣ Казиміровичѣ, Екатер. и Соф. Алекс.[андровнамъ], сыну Вашему и всѣмъ домочадцамъ.

И. Гончаровъ.

Вчера мнѣ одинъ молодой человекъ сказывалъ, что сегодня долженъ пріѣхать сюда Маркъ Николаевичъ [Любоцинскій] съ семействомъ. Утѣшаю себя надеждою, что письмо это придетъ 30 августа.

№ 39.

Маріенбадъ, 15 (27) іюня, 1867.

Любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ,

Собирался, собирался я напомнить Вамъ о себѣ, но, во-первыхъ, рано было, не успѣли Вы меня еще забыть настолько, чтобъ появленіе строкъ моихъ могло быть сочтено за воспоминаніе, да еще за пріятное, а во-вторыхъ—въ Маріенбадѣ, какъ принадлежащемъ къ разряду захо[лу]стьевъ и трущобъ, по преимуществу, хотя и зеленыхъ, не родятся новости, а пришедши сюда и извнѣ, умираютъ. Предметы думъ, помысловъ и стремленій здѣсь суть — печень, потомъ желудокъ, кишки, словомъ—брюхо, которому и посвящаются всѣ заботы, только

не въ смыслѣ пріятнаго переполненія и отягощенія, а непріятнаго промыванія онаго. Оно не круглѣетъ, а оскудѣваетъ здѣсь. И въ этомъ успѣхъ. Я могъ бы радоваться этому успѣху, если бѣ оскудѣлъ только этимъ, но я сталъ скорбенъ и главой, и нищъ духомъ, но не въ евангельскомъ смыслѣ.

Надѣясь было поздоровѣть, говоря не шутя, освѣжиться, но только поникъ здоровьемъ и заплеснѣвъ духомъ; хотѣлъ приняться за старый, забытый трудъ, взялъ съ собой пожелтѣвшія отъ времени тетради—и не тронулъ ихъ изъ чемодана. Ни здоровье, ни трудъ не удались, и вопросъ о трудѣ рѣшается отрицательно навсегда. Бросаю перо.

На-дняхъ—т. е. дня черезъ три вѣду—куда еще самъ не знаю, и потому пока не прошу отвѣта. Можетъ быть, напишу послѣ. Я еще не рѣшилъ: вѣхать ли въ Африку или въ Америку. Въ Африкѣ я отчасти былъ, въ Америкѣ—нѣтъ, и потому вѣроятно махну туда. А пока доѣду до желѣзной дороги ближайшей станціи—и по вдохновенію скажу, куда брать билетъ.

Въ Парижѣ теперь толкотня, туда рано, да я черезъ Парижъ вѣжалъ мимоѣздомъ къ морю. А теперь, не шутя, не знаю, гдѣ сяду. Очень жалѣю, что предпринялъ бесполезную поѣздку.

Здѣсь я даже газетъ не читаю; даже гуляю мало, а сидя дома, по неволѣ слушаю каждый день органъ сосѣдней лютеранской церкви, да еще надъ моими комнатами помѣстили съумасшедшаго. Днемъ онъ кричитъ благимъ матомъ, а по ночамъ неистово стучитъ ногами въ полъ—или мечется въ кровати и потрясаетъ свою, а вмѣстѣ съ ней и мою комнату. Вотъ и всѣ развлеченія. По временамъ бываютъ еще грозы, которыя ночью мѣшаютъ спать, а затѣмъ все обстоитъ благополучно.

Обнимаю Васъ, кланяюсь Казимірѣ Казиміровичѣ и Самѣ и остаюсь

вѣрно-преданный

И. Гончаровъ.

№ 40.

Baden - Baden, 16 (28) Воскресенье. [1867 г.].

Ваше теплое и доброе письмо, дорогой другъ Александръ Васильевичъ, я получилъ. Къ сожалѣнію, крайнее разстройство нервъ, отчасти тикъ, душевная мерзость, опустѣніе головы, засореніе желудка, и сердца съ обоими его *желудочками*, плѣсень большого мозга (если таковой у меня есть) и мозжечка—все

это дѣлаетъ меня неспособнымъ состояться съ Вами въ Вашемъ спокойномъ благодушїи, здравости и несокрушимой ясности мысли и слова: поспорю съ Вами только въ отплатѣ дружбой за дружбу и всегда превзойду Васъ—въ ясности почерка. Это—мое преимущество передъ Вами—въ сей, а можетъ быть—и въ будущей жизни. Вы можете возвыситься до первыхъ высотъ—душевной доблести, до первыхъ степеней гражданскихъ и военныхъ почестей, но писать разборчиво никогда не будете. И эти-то орудія казни, т: е: почеркъ, да еще сто-саженная крутая лѣстница—именно предназначены—для друзей, а не для лютыхъ враговъ Вашихъ, ибо сихъ послѣднихъ Вы на лѣстницу къ себѣ не пустите, а если восхощете излить на нихъ злобу и хулу письменно — то цѣли не достигнете, ибо они ничего не разберутъ. А друзья рвутся къ Вашимъ дверямъ и къ Вашимъ добрымъ словесамъ: а ихъ стережетъ тамъ—удушье, а тутъ — заманчивая бездна неразборчивости.

Но такъ какъ я пробовалъ когда-то—съ помощью указаній Шамполіона младшаго ¹⁾—читать іероглифы, то прочелъ и Ваше письмо—и усмотрѣлъ, что Вы—по отсутствію только эгоизма — умолчали о своихъ беспокойствахъ и распространились о моихъ: у Васъ, вмѣсто одной, двѣ больныя теперь. Что это: право, это—должно быть, отъ лѣстницы или отъ почерка. Поклонитесь Казимірѣ Казиміровичѣ—и скажите, что хворость ей вовсе не къ лицу, обыкновенно свѣжему и бодрому, и что ей надо дать доктору присягу, что она нездорова — иначе не повѣритъ. — А Екатерина Александровна: принесли ли ей купанья въ морѣ хоть немного облегченія? Кланяюсь обѣимъ дружески—и Софьѣ Александровнѣ, хотя ей только что написалъ самъ и благодарю и Васъ, Александръ Васильевичъ, и Софью Александровну, что оба не скушитесь на отвѣты мнѣ. Переписка съ Вами обоими, кромѣ дружескихъ отношеній, сосредоточиваетъ въ себѣ для меня почти весь интересъ и интеллектуальнаго, и нравственнаго, и артистическаго... не скажу *размеченія*: это было бы слишкомъ слабо и поверхностно — нѣтъ, болѣе этого. Придумайте и поставьте сами подходящее слово, которое сію же минуту найдете.

Я дня черезъ три ѣду отсюда—куда еще самъ не знаю, и потому не вызываю Васъ на отвѣтъ. Когда ворочусь—тоже не знаю. Какъ-нибудь подамъ о себѣ вѣсть. Здѣсь есть кое-кто

¹⁾ Знаменитый французскій ученый, изучавшій іероглифы, основатель египтологін.

Русскіе, но я почти ни съ кѣмъ не вижусь. Тургеневъ буквально невидимъ — онъ проводитъ время на виллѣ Віардо, гдѣ по сосѣдству выстроилъ домъ, но еще не переѣхалъ, по недостатку денегъ. На-дняхъ онъ читалъ мнѣ и Теокистову [Е. М.] ¹⁾ съ женой небольшой рассказъ страницъ въ 20 — но лучше бы его не печатать, потому что дѣйствіе происходитъ въ домѣ публичныхъ женщинъ. У него это не вышло неприлично, но самъ предметъ неприличенъ. Я хочу его остеречь — не знаю, послушаетъ ли.

Я хожу повѣся носъ и ничего не дѣлаю и не буду дѣлать — и выйду ли когда-нибудь изъ своего бездѣйствія и нравственно-умственного разлада — не знаю, сомнѣваюсь. — Иногда заходилъ на рулетку, видѣлъ жадную толпу и тоже, машинально ставилъ луидоръ и то выигрывалъ, то проигрывалъ. Выигралъ франковъ 300, а проигралъ 500, т. е. двѣсти своихъ и бросилъ. Но видѣлъ, какъ свѣтлѣйшая Суворова мечетъ груды золота, и другіе Русскіе и Англичане; видѣлъ, какъ герой земскаго дѣла, удаленный на время изъ отечества, графъ Шуваловъ ²⁾ сорвалъ банкъ два раза и выигралъ болѣе 120 тысячъ франковъ (проигравъ, говорятъ, въ Парижѣ 500 тыс.); видѣлъ нѣкоторыхъ Русскихъ и не Русскихъ, выходящихъ оттуда, поджавши хвосты. Одинъ попросилъ у меня три луидора, говоря, что все проигралъ и что ѣсть нечего и когда я далъ, онъ проигралъ и ихъ, а потомъ пришелъ опять просить, опять ссылаясь на голодъ. Я расхохотался.

Вашъ отзывъ о нашихъ судахъ радуеть меня несказанно, — впрочемъ я ожидалъ этого. Вы успѣли попасть въ качествѣ дѣятеля на первыхъ порахъ, чтобы помочь правосудію пустить

¹⁾ Въ тѣ годы состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при м-рѣ народн. просвѣщ., сотрудничалъ въ „Отеч. Запискахъ“; впослѣдствіи былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Андрей Петр. Еще въ 1865 г. имъ была произнесена рѣчь въ царскосельскомъ земскомъ собраніи, въ которой предлагалось возбудить ходатайство о созывѣ центрального земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству. 16 января 1867 г. за рѣзкія рѣчи и постановленіе петербургскаго земскаго собранія принести жалобу на м-ра вн. дѣлъ въ сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 28 — предсѣдатель управы Н. Ф. Крузе былъ высланъ въ Оренбургъ, а гр. Андрей П. Шуваловъ за границу — въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти. Объ этомъ дѣлѣ и участіи Шувалова и др. лицъ см. у Никитенка, Зап. и дневн. изд. 1905 г., Т. II, стр. 262 и 322, въ „Воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго“ и у А. Корнилова — „Общественное движеніе при Александрѣ II“, М. 1909 г., стр. 183.

поглубже корни въ русскую почву, которая засѣвалась красивнымъ сѣменемъ — отъ Шемяки до графа Панина ¹⁾ включительно.

Прощайте, пока, любезный другъ, жму Вашу руку — и жалью, что не могу лично обнять Васъ теперь, когда Вы на дачѣ и когда я могъ бы сдѣлать это — безъ опасности для своей жизни — отъ лѣстницы. Не переѣдете ли Вы?

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 41.

Киссингенъ 5(17) Іюня. [1869 г.]

Если Вы, любезный другъ Александръ Васильевичъ, дрожите теперь отъ холода и топите печи, а сами думаете злобно, что вотъ — молъ есть же такіе счастливы, какъ Вашъ пріятель, пишущій эти строки, который наслаждается тепломъ и свѣтомъ, гуляетъ по зеленымъ газонамъ и услаждается запахомъ розъ... Тутъ и остановитесь: дѣйствительно, розъ нигдѣ я лучше и больше не видалъ, какъ здѣсь — и даже три дня сряду чья-то рука присылаетъ мнѣ по букету оныхъ, „*вмѣсто лавровъ*“, какъ сказано въ вложенной въ букетъ записочкѣ — *отъ русской женщины*. Но я и то боюсь, не рука ли это какого-нибудь шутика — мужчины, которая мистифируетъ, какъ въ маскарадѣ меня — и на променадѣ все пытливо вглядываюсь то въ ту, то въ другую русскую женщину, но ничего не угадываю. Пусть же ихъ шутятъ: если это и смѣхъ, то смѣхъ граціозный, благоуханный! Пусть же ихъ смѣются!

А въ остальномъ во всемъ Вамъ завидовать нечего. Мы ходимъ здѣсь въ байковыхъ сюртукахъ и если не топимъ печей, то потому — что здѣсь больше розъ, нежели дровъ. Дуетъ такой вѣтеръ, что... если это *борей*, съ бѣлыми *власами*, то онъ выходитъ подлець, не смотря на свои сѣдины. Природа ублажаетъ насъ дождями обильно, холодными, отчасти съ градомъ: все, что могло бы усладить нашу горькую долю, запрещено: даже согрѣваться чаемъ не позволено, этимъ невиннымъ согрѣвательнымъ напиткомъ; наложено воздержаніе на сигары, не

¹⁾ Викторъ Никитичъ, министръ юстиціи, прославившійся въ продолженіе своего долговременнаго пребыванія на этомъ посту въ качествѣ ревностнаго охранителя до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ.

говоря о винѣ и о прочемъ. Все мучнистое, студенистое, травянистое и мясистое изгнано и дозволено одно водянистое.

И приходится завидовать Вамъ, какъ Вы тамъ, *сѣдя у котла мяснаго и ядя мяса до сытости*, да еще ботвинье, да пироги съ свѣжими грибами, да ягоды—фу, дайте утереть ротъ платкомъ; *l'eau me vient à la bouche* (т: е: по-русски *слюны текутъ*), и сидите Вы у камина и не злитесь, какъ я, и не пишете злыхъ писемъ, не дѣлаете звѣроподобнаго лица встрѣчнымъ, а курите крѣпкую сигару и любовны ко всѣмъ,—какъ я въ хорошую погоду. А теперь я рву и мечу, проклинаю даже день моего рожденія (который будетъ завтра т: е: 6(18) Іюня—кстати подвернулся) и мечтаю о своей шубкѣ и о доброй, милой Мимишкѣ¹⁾; ее только одну не ненавижу въ эту минуту. А прочихъ всѣхъ готовъ, проглотить вмѣстѣ съ Ракоци²⁾, чему, кажется, не мало способствуетъ и солитеръ, таящійся издавна внутри меня. Этотъ мой желудочный боа-констрикторъ показывался когда-то и наружу, его пробовали выгонять, но я подозреваю, что онъ перетерпѣлъ всѣ гоненія и остался моимъ сожителемъ, отъ чего и происходитъ странное явленіе, что въ хорошую погоду—я бываю и человѣкъ хорошій, какъ слѣдуетъ быть христіанину, мягкій, незлобивый, даже прощающій врагамъ всѣ обиды и способный находить много отраднаго въ жизни. А въ холодъ, въ дождь—я дѣлаюсь не только мизантропомъ, но и мивогинномъ, начинаю ненавидѣть и подобныхъ, и не подобныхъ себѣ, и становлюсь равнодушнымъ даже къ Мимишкѣ. Тогда все хорошее исчезаетъ у меня изъ вида, улетаетъ въ небо, и на душу, какъ на него же, находятъ тучи.—Солитеръ ли тому причиной, или вообще раздраженные нервы—но эти мучительныя нервныя ощущенія—ужасны: я понимаю, что въ такомъ состояніи разстроеннаго организма, потрясающемъ и душевныя силы, люди предаются неистовству, или выпрыгиваютъ, какъ сдѣлалъ бѣдный Николай Петр. Боткинъ въ Пештѣ, изъ 4 этажа въ окно. Бѣдные, бѣдные люди! Зачѣмъ они испытываютъ это, или зачѣмъ есть обстоятельства, которыя доводятъ ихъ до такихъ ощущеній!

Здѣсь русскихъ не очень много, не то что въ прошломъ году, когда ожидали сюда Императрицу—и когда многіе пріѣхали, чтобъ видѣть ее и вообще лица, составлявшія свиту Двора.

¹⁾ Собачка Г., имъ очень любимая и сопровождавшая его повсюду.

²⁾ Лечебная вода.

Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ; ходитъ здѣсь графъ Блудовъ¹⁾, котораго Вы вѣроятно знаете хорошо, а я мало, да какой-то баронъ Фридрихсъ, да Толстая (не графиня), еще Верпаховскій²⁾. Я немного знакомъ съ графомъ Блудовымъ, да съ Верпаховскимъ, а остальныхъ не знаю.

Но на дняхъ пріѣхалъ Стасюлевичъ [М. М.]³⁾ съ женой—и мнѣ стало немного повеселѣе. Они люди пріятные и коротко знакомые; съ ними я и бесѣдую, но и бесѣды наши нерадостны, по случаю дурной погоды, и мы только и дѣлаемъ, что ропщемъ на погоду, а я на всѣхъ и на все.

Не знаю, станетъ ли у меня терпѣнія просидѣть здѣсь еще недѣли три или четыре. Я каюсь, что бѣжалъ Мариенбада, боясь его постоянныхъ холодовъ: а вотъ нашелъ ихъ здѣсь. Не знаю, куда я дѣнусь послѣ водъ—мнѣ никуда не хочется. Можетъ быть и вернусь домой, на свое кресло, къ своей милой Мимишкѣ, но не къ перу, не къ книгамъ. Даже хочу не издавать отдѣльно своего „Обрыва“ — и навсегда покончить съ литературой.

Впрочемъ подожду, что скажетъ теплая погода, если такая будетъ. А кстати: на Васъ лежитъ дружеская, хотя и тяжелая обязанность — прочитать „Обрывъ“, — и даже, можетъ быть, потомъ защитить его отъ нигилистическихъ и другихъ когтей.

Впрочемъ—я махаю на все рукой и ухожу въ свою апатію. Но буду ждать Вашего отвѣта—сюда: Софья Алекс.[андровна] скажетъ Вамъ мой адресъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, любезный другъ. Прощайте—кланяюсь дружески Вамъ, Казиміръ Казиміровичъ и Екатеринѣ Александровнѣ. А Вашему наследнику съ поклономъ передайте мой совѣтъ воспользоваться лѣтомъ, соединяя *utile dolci*.—Если Александръ Г. Тройницкій⁴⁾ переѣхалъ въ Павловскъ—напомните ему обо мнѣ и о моемъ къ нему уваженіи и памяти. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 42.

С.-Петербургъ. 2 Сентября—Суббота. [1872 г.].

Почтеннѣйшій бывший именинникъ Александръ Васильевичъ, 30-го Августа я хотѣлъ чествовать Васъ своимъ присутствіемъ въ Павловскѣ, какъ настоящаго (а не бывшаго) имя-

¹⁾ Андрей Дмитриевичъ, сынъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля; въ тѣ годы былъ посланникомъ при саксонскихъ дворахъ.

²⁾ Возможно, что это былъ Ив. Петр. В—ій, начальникъ отдѣленія комитета министровъ.

³⁾ Извѣстный профессоръ и публицистъ, многолѣтній издатель „Вѣстника Европы“.

⁴⁾ См. письмо № 22.

нинника, но сила моей воли сломлена силою боли въ вискъ и щекъ, т: е: тикомъ, захваченнымъ въ Берлинъ, въ приснопамятные дни свиданія трехъ Государей ¹⁾ — отъ каковаго тика я и по днесъ сажу по долгу, не шевелясь, въ своемъ углу и смиренно претерпѣваю тѣ самыя страданія, коихъ Вы были нѣкогда свидѣтелемъ въ не-великолѣпной столицѣ Привислянскаго края.

Хотя я сажу уже въ своей хатѣ, но домой все якобы не пріѣхалъ, ибо не могу свыкнуться ни съ внезапно наступившимъ холодомъ, вѣтромъ и дождями послѣ непомѣрныхъ жаровъ въ Парижѣ и Берлинѣ, не могу признать за благоустроенную мостовую тотъ океанъ острыхъ и угловатыхъ—ямами и горбами разбросанныхъ по улицамъ каменьевъ—не могу еще покойнымъ окомъ и равнодушнымъ ухомъ видѣть и слышать сонмы бродящихъ по улицамъ упившихся неопрятныхъ существъ, съ ихъ дикими криками и бранью. — Ко всему этому потребно вновь привыкнуть—и тогда уже свое хорошее паки восприметъ власть надъ умомъ и сердцемъ. А прежде суется въ глаза дурное.

Климать (тоже—*нехорошее* у насъ) уже насѣлъ на меня съ обычною своею злобою—и надѣлилъ сугубою хандрою и обычною моею, отъ преклонныхъ лѣтъ и скорбныхъ обстоятельствъ происходящею, а также и осеннею непогодю порождаемою, а ватѣмъ еще онъ же, злой климать, поддерживаетъ и слабость нервъ и тикъ и т. д. и т. д.!

По всему вышеизложенному—я и не могъ проблагодумствовать 30-е Августа въ Вашей, достолюбезной бесѣдѣ въ Павловскѣ, а просидѣлъ у себя, злобствуя и болѣя духомъ и тѣломъ!

Вѣрую, что и Вы не можете благодушно пребывать въ бурныхъ болотныхъ мхахъ при осеннемъ завываніи вѣтра, при колебаніи деревъ, дрожаніи оконъ, окоченѣніи носовъ—и скоро перенесетесь сюда, въ сосѣдство къ звѣздамъ небеснымъ и церковнаго Владимірскаго креста—куда на эту высоту устремлюсь и я, какъ только свѣдаю о Вашемъ сюда пришествіи, а до толѣ дружно и любовно Вамъ и всему дорогому семейству Вашему кланяюсь.

Вашъ И. Гончаровъ.

¹⁾ Свиданіе это происходило въ послѣднихъ числахъ августа 1872 г.

№ 43.

25 Марта [18] 73 [г.]

Благодарю Васъ, наипочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, за любезный и добрый вопросъ о моемъ здоровьѣ и о томъ, куда я повезу его—приводить въ порядокъ?

Самъ не знаю: даже, можетъ быть, останусь въ Моховой—ибо главная болѣзнь моя—это крайнее раздраженіе и потомъ упадокъ или ослабленіе нервъ. Я то, что французы называютъ *énervé*: если нельзя укрѣплять нервы, то надо хоть избѣгать всего, что можетъ ихъ тревожить. А гдѣ лучше, какъ не дома достигнешь этого—въ тишинѣ, покоѣ и отсутствіи поводовъ къ тревогамъ? Вотъ—между прочимъ причина моего упорнаго уединенія, на которое Вы такъ любезно и дружески жалуетесь.

Въ моихъ мечтаніяхъ и хотѣніяхъ я иногда, по привычкѣ, порываюсь странствовать—это правда, но это только говоритъ жадность и привычка, а на дѣлѣ, когда до него дойдетъ очередь, оказывается, что я и слабъ, и тяжелъ на подъемъ и наконецъ боленъ и что мнѣ путешествовать и не надо и охоты нѣтъ.

Такъ я рванулъ было опять вокругъ свѣта—но потомъ, строго анализируя себя и свое моральное и физическое я, я благословилъ судьбу, что мнѣ вначалѣ отказали на отрѣзѣ.

Такъ же точно недавно порывался въ Италію, гдѣ не былъ и гдѣ мнѣ всегда мечталось видѣть Венецію, Флоренцію, Римъ и Неаполь: пожалуй—туда, можетъ быть, на первыхъ, горячихъ порахъ желанія и поѣхалъ бы, такъ какъ это не такъ далеко, какъ вокругъ свѣта, но туда надо ѣхать осенью или зимой, а для меня зимнее странствіе невыносимо, по причинѣ того самого *тика*, о которомъ упоминаете Вы, справедливо называя его „проклятымъ“. Дома можно, и то—не всегда удается, уберечься отъ сквозныхъ и отъ несквозныхъ, но холодныхъ вѣтровъ, сырости и вообще всего, что тревожитъ нервы въ вискахъ и зубахъ—а какъ уберечься этого въ вагонахъ или нетопленыхъ домахъ за границей зимой, когда я и лѣтомъ иногда не спасаюсь въ дорогѣ отъ этого зла? Помните—мои страданія въ Варшавѣ? Почти тоже самое повторилось—къ счастью короче—и въ Берлинѣ въ прошломъ Августѣ!

Словомъ—„какъ ни кинь, все клинь“! Однако на масляницѣ былъ здѣсь по дѣламъ службы мой племянникъ ¹⁾, кото-

¹⁾ Викторъ Михайловичъ Кирмаловъ, младшій сынъ сестры И. А.—А. А. Кирмаловой. Объ отношеніяхъ И. А. къ родственникамъ см. у Суперанскаго—„И. А. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи“. „Вѣст. Европы“. 1907 г. № 2 и 1908 г. №№ 11 и 12.

раго Вы знаете—и я чуть было не увлекся желаніемъ уѣхать съ нимъ, такъ какъ для него это было ново и интересно, а для меня полезно и пріятно: полезно потому, что онъ, будучи самымъ близкимъ мнѣ, послѣ покойной Мишишки¹⁾, лицомъ,—служилъ бы мнѣ костью въ моей старости и дряхлости ибо одинъ я теперь ѣздить побаиваюсь и скучаю, а пріятно—потому, что у него живой, веселый умъ и добрый характеръ. Съ другими—ни съ кѣмъ я не поладилъ бы такъ какъ съ нимъ,

Но у него есть ближе меня лица—это жена, сынъ и еще ожидаемое чадо, которыхъ онъ оставилъ въ Одессѣ. Потомъ—и это главное—хотя у него тамъ Колхида и подъ бокомъ, но онъ не добылъ тамъ золотого руна, которое все давно прибрали къ рукамъ новѣйшіе аргонавты—жиды. А безъ этого руна—намъ съ нимъ—ни порознь, ни совокупно, странствовать неспособно. И я—помечтавъ съ нимъ—остался дома, а онъ отошелъ въ свою страну.

Вотъ Вамъ—любезный другъ—подробный отчетъ на Ваши вопросы, на которые еще подробнѣе надѣюсь отвѣтить лично на праздникахъ.

А до тѣхъ поръ дружески и Вамъ и Вашимъ кланяюсь.

И. Гончаровъ.

А Вы сами—куда? Отвѣтъ вѣроятно одинъ: въ Павловскъ — такъ ли?

№ 44²⁾.

15 Мая.

Вотъ вамъ мое сильное приношеніе, наисладчайшій изъ друзей, Александръ Васильевичъ, съ краткою, но правдивою надписью! Другой экземпляръ желала имѣть Екатерина Александровна, кажется, для подарка кому-то: прошу Васъ неукоснительно передать ей. Прислалъ бы я и третій экземпляръ, обѣщанный Г. О. Ѳ. Миллеру³⁾ за его любезный подарокъ

¹⁾ См. выше, письмо № 41.

²⁾ Выяснить даты двухъ, помѣщенныхъ здѣсь послѣдними, писемъ не представилось ни малѣйшей возможности; въ отношеніи же остальныхъ писемъ это удалось или вполнѣ точно или въ значительной степени приближенности (во второмъ случаѣ, какъ читатель могъ замѣтить, ставились знаки вопроса).

³⁾ Извѣстный профессоръ исторіи русской литературы, популярный лекторъ и писатель. Диссертация его „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“, издана въ 1858 г.

мнѣ диссертациі, да боюсь, что экз. этотъ ухнетъ въ Вашъ книжный океанъ и погрузится на дно и потому буду искать другого, болѣе надежнаго способа къ передачѣ. Видите, есть пункты, гдѣ и Вы можете быть подозрѣваемы въ ненадежности!

Зашелъ бы я сегодня, по дорогѣ изъ Царскаго Села, часовъ въ 8 вечера къ Вамъ, въ домъ Фридрихса, еслибы зналъ, что Вы дома, но боюсь не застать, а хотѣлось бы повидаться и уговориться отобѣдать вмѣстѣ, если не на этой недѣлѣ, то хоть въ началѣ будущей. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ и не забывайте также Вашего

И. Гончарова.

№ 45.

Воскресенье.

Ваше Превосходительство! Слезно умоляю, снимите съ меня тяжесть преступленія: сегодня (въ Воскресенье) Некрасовъ [Н. А.] намѣревался просить Васъ въ 4^{1/2} часа обѣдать къ нему и я, злополучный, взялъ на себя лично передать Вамъ это приглашеніе и увы! забылъ. Если Вы и обѣщали куда-нибудь, то обманите и будьте тамъ, или надо мной загремятъ проклятья! Обѣдаю, кажется, только я, да Вы, или виновать—Вы да я. Надѣюсь до 4^{1/2} часовъ.

Вашъ Гончаровъ.

